

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-161-170

Н. П. Крохина¹*Шуйский филиал Ивановского государственного университета*

МОТИВ «ТВОРЯЩЕГО ОГНЯ» В ПОЭЗИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

В статье исследуется язык эпифаний в поэзии К. Д. Бальмонта: проявления божественной воли в сотворённом Богом мире, сближение художественного творчества с христианскими таинствами. Акцентируются мотивы мирового причастия и «творящего огня». Определяется специфика и место эпифанических мотивов на разных этапах творческого пути поэта. Проводятся связи поэта-символиста с исканиями русской религиозно-философской мысли. Прослеживается становление мотива «творящего огня» в поэзии К. Д. Бальмонта, связанного с раскрытием темы мирового таинства и пониманием поэта как соучастника Божественного творения, а также акцентируется, как этот мотив будет доминирующим в итоговой поэтической книге 1920-х гг. «В раздвинутой дали. Поэма о России».

Ключевые слова: эпифании, мировое таинство, мировое причастие, мотив «творящего огня»

N. P. Krokhina*Shuya branch of Ivanovo State University*

THE MOTIVE OF «CREATIVE FIRE» IN THE POETRY OF K.D.BALMONT

The article examines the language of epiphanies in the poetry of K. D. Balmont: the manifestation of divine will in the world created by God, the convergence of artistic creativity with Christian sacraments. The motives of world communion and “creative fire” are emphasized. The specificity and place of epiphanic motifs at different stages of the poet’s career are determined. The connections between the symbolist poet and the search for Russian religious and philosophical thought are made. The author traces the formation of the “creative fire” motive in the poetry of K. D. Balmont, associated with the disclosure of the theme of the world mystery and the understanding of the poet as an accomplice of Divine creation, and also emphasizes the way this motive would dominate in the final poetry book of the 1920s. “In the extended distance. Poem about Russia”.

Key words: epiphanies, world sacrament, world communion, the motive of “creative fire”

Данная статья подытоживает многолетние размышления автора и наблюдения других учёных о духовном пути К. Д. Бальмонта [см. в списке литературы работы Н. П. Крохиной, В. П. Океанского, Т. С. Петровой].

Сближение художественно-эстетического опыта с религиозным, столь характерное для эпохи символизма, пронизывает поэзию К. Д. Бальмонта. Уже в стихотворении «Смерть», открывающем книгу «Под северным небом»,

¹ Надежда Павловна Крохина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета.

поэт умирает для мира и в своём неземном существовании жаждет сохранить «в душе огонь нетленный / Божественной мистической тоски». Эта жажда Божественного ориентирует поэта на восхождение («иди всё выше – выше»), в котором раскрывается «бесконечность», «высший свет» и свобода – «в разумной подчинённости Творцу» [Бальмонт, 2010, т. 1, с. 23]². Свой путь поэт уподобляет пути солнца, и изначально путь солнца уподоблен стремлению Божества: «Всегда вперёд стремится наше солнце... Так, вечного исполнено стремленья, нас увлекает Божество / К неведомой, но благодатной цели» (т. 1, с. 24). Так, в первом же поэтическом тексте заявлена эпифаническая основа видения поэта.

Эпифания – «проявление или раскрытие воли Бога в сотворённом им мире» [Кубатиев, 2011, с. 57]. Художник-символист нацелен на такие раскрытия. Им движет «незыблемая вера в эпифании – художественные прозрения, позволяющие схватить душу вещей», сближающие художественное творчество «с христианскими таинствами» [Гарин, 2001, с. 120]. Искать язык эпифаний в поэзии К. Д. Бальмонта – это в сущности выявлять верность поэта пушкинскому завету «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Поэт в символизме – соучастник Божественного творения.

Звучит верность Бальмонта соловьёвским заветам русского символизма – мир как всеединство. В «Воскресных письмах» Вл. Соловьёв формулировал своё определение вечной истины христианства – это «истина соединения противоположностей через воплощение Божественного в человеческом, небесного в земном, духовного в материальном... Ереси сводились и сводятся к упразднению богочеловеческого, небесно-земного, духовно-материального всеединства и всецелости» [Соловьёв, 1913, с. 32–33]. Для философа всеединства вопрос не стоит «небо или земля?», а стоит в их сочетании. С точки зрения этой вечной христианской истины всеединства и всецелости Соловьёв рассматривал все современные серьёзные вопросы. В своём понимании вечной христианской истины как истины всеединства и всецелости Соловьёв выступал основоположником новой эпохи отечественной культуры – религиозно-духовного ренессанса Серебряного века. Все теургические искания Соловьёва и его продолжателей были призваны преодолеть «новое грехопадение» и средневековой культуры, разделившей человеческое и божественное, земное и небесное, и новоевропейской культуры с её рационализмом и индивидуализмом (распылением человека на уединённые атомы). Атомизму и разорванности современного сознания Соловьёв противопоставил поиск «целостного мировоззрения», «новый высший синтез» [Булгаков, 1903, с. 53, 165]. Наследием Вл. Соловьёва была не только философия, но и поэтика всеединства. В основе её – при всём многообразии индивидуальных воплощений – поиск жизненно-действенного христианства, связанный с именем Соловьёва, органическое ощущение божественной, всеединящей основы мира, в которой всё сочетается

² Далее в ссылках на это единственное современное Собр. соч. К. Д. Бальмонта указываются только том и страница в круглых скобках после цитаты.

и взаимопроникает. В поэзии Соловьёва зарождался язык русского символизма, определялся его профетический пафос. О сущности этого языка ярко писал К. Мочульский: «Сокровенная сущность мира духовна и светоносна; образ её – «золотистая лазурь», небесный эфир, озарённый солнечными лучами. Она едина: всюду, в душе и в космосе, разливается один океан лазури, всё собой заполняя и соединяя небо с землёй и с человеком» [Мочульский, 1995, с. 85].

Свою связь с соловьевским поиском цельности К. Бальмонт утверждал в стихотворении «Воздушная дорога» (книга «Только любовь» 1905). Лирический герой Бальмонта – восприимчив завета Соловьёва о «воздушной дороге», сочетающей небо и землю: «ты ушел отсюда без возврата, / Но мир земли – для неба не чужой», «Но в нас проходит звездная река». Органичным признаком поэзии Бальмонта будет сочетание полярностей – верха и низа, высоты и глубины. Недаром свою религию он называл «религией звёзд и цветов» [Бальмонт, 1907, с. 51].

Мир в поэзии Бальмонта – это Богом сотворённый мир, и он пронизан высшим божественным началом: «Тьму отделил Ты от яркого света, / Создал Ты небо, и Небо небес, / Землю, что трепетом жизни согрета, / Мир, преисполненный скрытых чудес!». Бог как могучее творящее начало и человека призывает быть творцом. Но для этого нужно сначала вернуться к Богу: «Создал Ты рай – чтоб изгнать нас из рая. / Боже, опять нас к себе возврати, / Мы истомились, во мраке блуждая... / Дай возвратиться к Тебе с упованием, / Дай нам, о, Господи, слиться с Тобой!» – такова «Молитва» поэта (т. 1, с. 25–26). В этой теме возврата русские символисты продолжали искания героев Ф. М. Достоевского: заканчивается путь блужданий новоевропейского человека, он возвращается «к мистической земле и к новому приятию природы», «воссоединяется с великим космическим целым» [Бердяев, 2001, с. 155–156]. Этой драмой возможности или невозможности возврата к высшей божественной воле, «лазури неземной» (т. 1, с. 50) пронизана вся поэзия Бальмонта 90-х гг., создавая её мистериальный настрой. Проявлением невозможности становятся взаимосвязанные мотивы тоски–томления–скитания–бесприютности–«пустыни мировой» – «нескончаемого кошмара» равнины (т. 1, с. 67, 117), воплощений кошмаров обезбоженного мира. Поэт страдает, тонет, погибает.

В то же время весь космос Бальмонта пронизан божественным, мистическим светом. Его лирический герой «в тишине уединенья» внемлет «музыке незримых голосов», он устремлён «к безднам светлой Безбрежности» (т. 1, с. 30, 126). Поэт наделён способностью схватывать божественную сущность вещей: все обожаемые Бальмонтом космические стихии эпифаничны: «Может ли ветер свободный кому покориться? / Может ли звёзд не блистать хоровод?»; «Море – вечное стремленье, горы – царственный покой»; «Исполинские горы» – «застывшие волны» времён миротворенья (т. 1, с. 69, 183, 63–64). «За небом раздвинулось Небо небес» (т. 1, с. 200), где поют ангелы. Так рождаются образы мирового таинства, определяющие весь творческий путь поэта.

Видение поэта отождествляется с христианскими таинствами, а в мире поэту являются образы мировой литургии: «Цветы лучам кадят / Струями аромата», «Уж ночь зажигает лампы / Пред ликом пресветлым Творца», с небес слышится «зов неземных голосов»; «Туман лугов, как тихий дым кадил, / Встаёт хвалой гармонии безбрежной» (т. 1, с. 77, 105, 485). Целостный образ небесной литургии дан в стихотворениях «Воздушный храм» (т. 1, с. 316–317), «Псалом звезды»: «Звезда звезде всегда поёт псалом, / На небесах не молкнет литургия» (т. 3, с. 489).

Исток этого видения – в тайне детства, утраченного райского состояния, возвратимого памятью и снами поэта: «Предо мною воскресло то время, когда мир я безгрешно любил, / Когда не был ещё человеком, но когда уже Богом я был» (т. 1, с. 52). В тайне детства – исток богоподобия поэта, исток его причастия миру, о чём поэт ярко сказал в романе «Под новым серпом»: «если детство проходит счастливым... – всё оно есть непрерывная тайна причастия... И этот свет Мировой Евхаристии пережившему счастливое детство светит потом всю жизнь» (т. 5, с. 246).

Так в поэзии Бальмонта намечаются связи с исканиями русской религиозной философии того времени: соловьёвской темой Богочеловечества и размышлениями о космической сущности церкви: «Церковь космична по своей природе и в неё входит вся полнота бытия. Церковь есть охристовленный космос... Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преображению полноты жизни» [Бердяев, 1991, с. 27]. В этой новой церкви должна раскрыться во всей полноте идея богоподобия человека, призванного быть активным творцом в космической жизни. В человеке, который осознаёт себя жителем великого космоса, должна раскрыться божественная глубина, мудрая активность. Мотивы преображения, воскресения, возрождения, пробуждения пронизывают поэзию Бальмонта.

Важнейшим проявлением мирового таинства является борьба в мире, а точнее игра полярных начал, в которой всегда побеждает свет: «Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана, / Чтоб созрела возрожденья новая волна» (т. 1, с. 124); «Играет в ночь всегда победный свет» (т. 5, с. 22). «Тайна превращенья тьмы в лучистый свет» связана с солнцем (т. 1, с. 125). Образы горения, яростного стремления предвосхищают возвышение образа солнца – божественного, победительного света в поэзии Бальмонта. Поэт – «мудрый, посвящённый», сознавая себя «сыном солнца», снова чувствует «всю близость к Божеству» (т. 1, с. 250). Сопряжение солнечного света и божественной воли – один из характерных мотивов поэзии Бальмонта: «Бог входит в существа, как солнце сквозь окно»; «Ярко только солнце, вечен только Бог!» (т. 1, с. 289, 450). Прямое уподобление солнечного и божественного начала находим в «Гимне солнцу» (который открывает книгу «Только любовь»): «Жизни податель, / Светлый создатель, / Солнце, тебя я пою!.. / Жизни податель, / Бог и Создатель, / Страшный сжигающий свет!» (т. 2, с. 7).

Поэту «виден мир в своих основах», он познаёт «бесконечное в конечном» (т. 1, с. 262, 392). Переживание мирового таинства порождает онтологизм поэзии Бальмонта, его пафос мироприятия, органичный для христианского космизма: «Благословляю бытие». Мироприятие неотделимо от единения с божественным началом: «И, словно радостно-расширенные реки, / Своими устьями, любя, прильнём к Нему» (т. 1, с. 290–291). Так в поэзии Бальмонта намечается тема светлой апокалиптики: «И круг заветный мы свершаем, / Чтобы прийти к Нему» (т. 1, с. 298). Знаменитый бальмонтовский призыв «Будем как солнце» – призыв к богоподобию, к раскрытию в человеке его высшего предназначения. Не случайно в программном стихотворении «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце» «видеть солнце» ассоциируется с «высями гор», обретением единства и власти («Я заключил миры в едином взоре, / Я властелин»), обретением откровенья и «певучей силы» (т. 1, с. 315). Ибо лик солнца всё соединяет («весь различный мир скрепляет он в одно») и даёт власть («Солнце... Сделай... Жаркой и властной / Душу мою!») (т. 1, с. 289; т. 2, с. 7).

Онтологическими основами мира являются свет и горение, красота и любовь. Мир имеет огненную, гераклитовскую основу. «Любимая моя стихия – Огонь» – пишет поэт в 1904 г. (т. 1, с. 22), самая изменчивая стихия (см. «Гимн Огню», т. 1, с. 319–322). Таким же вечно другим был и поэт в своём творческом огне. От вечной изменчивости неотделимо бальмонтовское «Восхваление луны» (т. 1, с. 325) и иных стихий (ветра, волны, океана).

В пору своей наибольшей известности, в период создания книг «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь» (1900–1905) на первый план в поэзии Бальмонта выхолит «экстенсивность образного освоения мира [Колобаева, 2000, с. 63], известная бальмонтовская тяга к «стозвучным» и многоцветным песням с их любовью ко всему («Люблю я свет и тьму», «все краски люблю я», т. 2, с. 61, 113). Но глубинные архетипы остаются прежними: «Молитвенна душа» (т. 2, с. 61) и борьба света-мрака, веры и неверия: «Я больше ни во что не верю, / Как только в муку и печаль, / И в бесконечную потерю, / И в отнимающую даль»; «Я мёртвая тяжесть, – от вольного лёта, / От счастья и света иду в темноту» (т. 2, с. 77, 79). Но воля к свету у Бальмонта всегда побеждает: «Бог создал мир из ничего. / Учись, художник, у него» (т. 2, с. 85). Так начинает доминировать бальмонтовская тема вещего поэта как преемника Божественного творчества. Мир – «безгласная поэма», «Творческий молот стучит без конца» (т. 2, с. 105). Назначение поэта – «в царство солнца всех вернуть». Завет поэта – быть «в вечно-творческом огне» (т. 2, с. 111–112). Становится определяющим мотив «мирового причастия»:

Мы коснулись всего, растворились во всём.

Глубину с высотой сочетали в узор,

С мировым в мировом мы причастия ждём. [...]

Мы в стозвучном живём, в литургии светил,

В откровенье стихий, в воскресенье всего. (т. 2, с. 168)

Поэт слагает свои хвалы «сияющему свету»: «Не гномом роющим я был средь мироздания.., / А саламандрою творящего Огня»; «В тёмной ночи песнь слагаю Свету» (т. 2, с. 183, 146). Мотив «творящего Огня» становится определяющим в творческом пути поэта. Во всех стихиях поэт прозревает высшее, созидающее начало – мудрость мироздания.

Бальмонт возвращается к детству человечества, путешествуя по странам солнцепоклонников: «Я слушал голос древних посвящённых, / Что пили солнце, как мы пьём вино» (т. 5, с. 39). Поэт познавал в своих реальных и незримых странствиях красоту и тайну мира: «Я видел безмерность мира... Я чувствовал слитность Неба и Земли, великую радость бытия... Я шёл по зелёному лугу» [Бальмонт, 1906, с. 52], именуя свою религию «религией звёзд и цветов». В своих итоговых книгах 1910-х гг. «Белый зодчий» (1912), «Сонеты солнца, мёда и луны» (1916) поэт сознаёт себя «крылатым сыном» Великой Матери (т. 3, с. 421–422) и слагает свой «вселенский напев» (т. 3, с. 328). Через всё творчество Бальмонта проходит сквозной образ Божественного Творца – «великого зодчего мира», восхищенного «песнью творения»: «Тот снежный миг навек нам явлен / В выси, где спит восторг и жуть. / Он будет некогда расплавлен, / Как двигнет Бог все звёзды в путь» (т. 3, с. 507–508). Мир творится вечно, мир исполнен вечного движения огня, и поэт – активный участник этого созидания – из ничего:

Умей творить из самых малых крох.

Иначе, для чего же ты, кудесник?

Среди людей ты Божества наместник,

Так помни, чтоб в словах твоих был Бог. [т. 5, с. 18]

Бальмонтовские «Сонеты солнца, мёда и луны» соотносимы со «Смыслом творчества» Н. А. Бердяева. «Поэма мира» пронизана Божественным творящим началом. Поэт сознаёт себя «на огненном пиру творящего Огня» (т. 5, с. 34–35). Им пронизана природа («Природа – прихотливейший творец»), «мир благовестия» – везде: «Я научился зодчеству у птиц», «искусство паутин», «во всём огонь игры», «Вот тут построил ёж свой малый дом. / Вон там в дупле пчелиные затеи» (т. 5, с. 26, 41–50). Ему причастен человек: «О, пахари, подвижники посева! / В вас Божья воля колосом жива»; «Склонившись, китайка молодая / Любовно ткёт узорчатый ковёр. / На нём земли и неба разговор»; «Умея сердце научить молчать... Велел японец танке зазвучать» (т. 5, с. 42, 62–63). Везде – музыка: «Какою музыкой исполнен небосвод» (т. 5, с. 104). Соучаствуя в этой «поэме бытия», «Я буду звуком счастья вновь и снова». Мир открыт поэту как «Отчий дом» (т. 5, с. 108–109), и вновь поэту открыта тайна мирового причастия: «Сегодня Бог прошёл цветущим садом, / И час один я полубогом был»; «Весь мир сомкнулся храмовым объёмом» (т. 5, с. 110). Поэт прославляет творческое – Богоподобное начало человека в лице своих любимых художников и поэтов: Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспир, Кальдерон, Эдгар По, Шелли, Скрябин, который «чувствовал симфониями света», Лермонтов («Блуждая сам над сумрачною бездной, / Нам в детстве в душу ангела напел») – творцов, приближавших человеческое начало к божественному: «И человеку Бог был двойником» (т. 5, с. 116–122).

Тема божественной воли – творящего огня становится доминирующей в позднем творчестве Бальмонта 1920-х гг., начиная с книги «Марево». «Забывшим правду и Бога», духовному мраку противопоставляется творящая воля поэта – «мерный мудрый стих / Всемирный благовест среди сумраков густых», «грозный колокол для духов двоедушных». Сущностному зрению поэта открыто «В красном доме чёрное есть дно» (т. 4, с. 380, 438). Поэт против насилия и пролития крови. Игре «людей ничтожных» противопоставлена духовная твердыня России – Камнеград Петра: «Созданье воли. / Рисунок гения в веках... Не город, а напев гранитный... Столица – мысль, где стержень Невский, / Венчалась с Пушкиным Нева, / Где высочайшие слова / Сказал сразитель вещества, / Коперник духа, Достоевский» (т. 4, с. 448–450).

Победе творящего начала посвящена итоговая книга поэта 1920-х гг. «В раздвинутой дали: Поэма о России». Книга завершает мистериальный сюжет поэзии Бальмонта: «Верю: мне предназначенье – / Всё изведать до конца. / Через пропасти страданья / К свету Божьего лица» (т. 4, с. 13). В эпоху наступившей исторической зыби, марева для Бальмонта стало важным утверждение основ, устоев, твердынь духа – вместо прежней поэтизации неисчерпаемой изменчивости всего сущего. Эти устои он видит и в русской истории, и в судьбе своих предков, и в назначении поэта, которому «явственен в сердце глаголящий Бог» (т. 4, с. 56). И солнце, и поэт свершают «всезидательную волю», и потому – «в нас немеркнувшее солнце» (стихотворение «Полог» – т. 4, с. 63–64). «Немеркнувшее солнце» становится символом верховной творческой воли, которую исполняет поэт: «Мой дух имеет власть умчаться из оков, / До запредельного – на грань – в безгранность мира» (т. 4, с. 111). Тема творческой воли, «творящего огня» (т. 4, с. 137) является центральной темой итоговой книги Бальмонта 1920-х гг. Она звучит и в заключающем её венке сонетов «Основа», и в вязи сонетов «Имя-знамень», определяя путь поэта «из мрака к свету» (т. 4, с. 123), утверждение творящего духа. «Божья правда радостного пенья» (т. 4, с. 134) порождает безгранный цикл стихов и литургическое чувство мира: «Лишь вольный мир – подножие амвона... Мой храм – земля, но с кровлей небосклона» (т. 4, с. 123).

Завершающий книгу венок сонетов «Основа» (т. 4, с. 131–138) можно рассматривать как итоговый завет поэзии Бальмонта. Как поэт сплетает вязь сонетов, так творящая основа мира сочетает все полярности. Храм устремлён ввысь, но «Начало храма – каменный упор». Крепкая основа духа – единство небесного и земного: «Весь мир – блаженство брачного алькова,.. / Воспламененье, бег, веретено, / Безмерный гуд напева волевого». Эту связь поэт видит всюду: «Цветы из молний», «Святая степь – душевный мой простор». Этим единством утверждается храмовость мира: «Я в вольном, голубом, округлом храме, / Где все цвета сплелись в один ковёр». «Всемирное горенье» связует большое и малое («Из капель – грозное откровенье, / Из искры страсти – ста народов рденье... / Из семени – безмерное растенье»), человека, природу и высшее Божественное начало в единое целое:

Я мысль. Я страсть. Я жизнь. Я взлёт. Свирель.
Я – Божья правда радостного пенья. (т. 4, с. 134)

Звучит верность Бальмонта соловьёвским заветам русского символизма – мир как всеединство. Это всеединство и рождает любимую бальмонтовскую метафору «ткацкого стана»: «Снуётся нить», «Звенят подковы сказочного кова». И этот изначальный цельный смысл мира ведом «провидческой душе» поэта. В этом всеединстве едины мгновение и вечность. Вновь звучит бальмонтовский мотив мирового причастия и благодатности творения: «Земной расторгни ком, / Хоти – и причастисься благодати». «Торжество творящего огня» провидит глубинную связь всего: «Мы можем иссекать движеньем воли / Живой восторг из самой острой боли... / Красиво быть в себе и быть в другом... / Мы в смерти – не в разлуке, а в возврате». И эта связь выражает Божественную премудрость творения: «Не скажет сказ, не описать пером, / как соразмерна мудрость в ткацком стане». Сам мир, «златолиловая ткань» мира – желанная Духу крепкая основа. К благодати провидения всеединства мира и обращён поэт. Перед нами важнейший духовный завет русского символизма, по-разному воплощаемый поэзией Вяч. Иванова, К. Бальмонта, О. Мандельштама, Б. Пастернака.

Таким образом, в поэзии К. Д. Бальмонта находимы основные темы русской мысли начала XX века: размышления о божественном космосе и о космическом преображении, об энергиях Творца в творении, о божественном в человеке, о творческом призвании человека и его культуры. Вещий поэт – приемник божественного творчества. Мотивы мирового причастия и «творящего Огня» становятся определяющими в творческом пути поэта. Потому можно говорить об эпифанической, или литургической основе мировидения поэта, преодолевающей антиномию неба и земли³, к чему стремились творцы Серебряного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. / К. Д. Бальмонт. – Москва: Книговек, 2010.

Бальмонт, К. Малые зёрна: Мысли и ощущения / К. Д. Бальмонт // Весы. – 1907. – № 3. – С. 47–56.

Бальмонт, К. Флейты из человеческих костей: Славянская душа текущего мгновения / К. Д. Бальмонт // Золотое руно. – 1906. – № 6. – С. 51–54.

Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. – Москва: Захаров, 2001. – 173 с.

Бердяев, Н. А. Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – Москва: Феникс, 1991. – 84 с.

³ См.: А. Горский об А. К. Толстом // Литературная газета. 2017. № 35. С. 7. Или: Крохина Н. П. Образы космической литургии и литургические мотивы поэзии К. Д. Бальмонта // Крохина Н. П. Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. С. 77–90. Или: Федотова С. В. Литургический дискурс в поэзии Вяч. Иванова // Федотова С. В. Поэтология Вяч. Иванова. Тамбов: ИПКРО, 2012. С. 212–236.

Булгаков, С. Что даёт современному сознанию философия Вл. Соловьёва / С. Булгаков // Вопросы философии и психологии. – 1903. – № 1. – С. 52–96.

Булгаков, С. Что даёт современному сознанию философия Вл. Соловьёва / С. Булгаков // Вопросы философии и психологии. – 1903. – № 2. – С. 125–166.

Гарин, И. И. Век Джойса / И. И. Гарин. – Москва: Терра, 2001. – 848 с.

Колобаева, Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. – Москва: Изд-во МГУ, 2000. – 295 с.

Крохина, Н. П. Заветы Ф. М. Достоевского в поэзии К. Д. Бальмонта / Н. П. Крохина // Солнечная пряжа: научно-поп. и лит-худож. альманах. – Шуя, 2020. Вып. 14. – С. 9–12.

Крохина, Н. П. Мотив «безграничности мира» в поэтической книге К. Д. Бальмонта «В раздвинутой дали» / Н. П. Крохина // Космос Бальмонта: миры и люди. Сборник материалов всерос. науч-практ. конф. – Шуя-Москва: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2016. – С. 31–38.

Крохина, Н. П. Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов / Н. П. Крохина. – Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. – 250 с.

Кубатиев, А. К. Джойс / А. К. Кубатиев. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 479 с.

Мочульский, К. В. Владимир Соловьёв: Жизнь и учение / К. В. Мочульский // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. – Москва: Республика, 1995. – С. 61–216.

Океанский, В. П. Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтическая метафизика ноктюрна / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская. – Шуя: Изд-во ИвГУ, 2013. – 124 с.

Петрова, Т. С. «Из мрака к свету...»: Мотив пути в лирике К. Д. Бальмонта / Т. С. Петрова. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2015. – 226 с.

Соловьёв, В. С. Воскресные письма. X. Небо или земля? / В. С. Соловьёв // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1913. – С. 32–33.

REFERENCES

Bal'mont, K. D. Sbranie sochinenij: v 7 t. / K. D. Bal'mont. – Moskva: Knigovek, 2010.

Bal'mont, K. Malye zyorna: Mysli i oshchushcheniya / K. D. Bal'mont // Vesny. – 1907. – № 3. – S. 47–56.

Bal'mont, K. Flejty iz chelovecheskih kostej: Slavyanskaya dusha tekushchego mgnoveniya / K. D. Bal'mont // Zolotoe runo. – 1906. – № 6. – S. 51–54.

Berdyayev, N. A. Mirosozercanie Dostoevskogo / N. A. Berdyayev. – Moskva: Zaharov, 2001. – 173 s.

Berdyayev, N. A. Novoe srednevekov'e: Razmyshleniya o sud'be Rossii i Evropy / N. A. Berdyayev. – Moskva: Feniks, 1991. – 84 s.

Bulgakov, S. CHto dayot sovremennomu soznaniyu filosofiya VI. Solov'yova / S. Bulgakov // Voprosy filosofii i psihologii. –1903. – № 1. – S. 52–96.

Bulgakov, S. CHto dayot sovremennomu soznaniyu filosofiya VI. Solov'yova / S. Bulgakov // Voprosy filosofii i psihologii. –1903. – № 2. – S. 125–166.

Garin, I. I. Vek Dzhosja / I. I. Garin. – Moskva: Terra, 2001. – 848 s.

Kolobaeva, L. A. Russkij simvolizm / L. A. Kolobaeva. – Moskva: Izd-vo MGU, 2000. – 295 s.

Krohina, N. P. Zavety F. M. Dostoevskogo v poezii K. D. Bal'monta / N. P. Krohina // Solnechnaya pryazha: nauchno-pop. i lit-hudozh. al'manah. – SHuya, 2020. Vyp.14. – S. 9–12.

Krohina, N. P. Motiv «bezgrannosti mira» v poeticheskoj knige K. D. Bal'monta «V razdvinutoj dali» / N. P. Krohina // Kosmos Bal'monta: miry i lyudi. Sbornik materialov vseros. nauch-prakt. konf. – SHuya-Moskva: Izd-vo SHujского filiala IvGU, 2016. – S. 31–38.

Krohina, N. P. Hudozhestvennyj mir K. D. Bal'monta: Poetika vseedinstva. Sistema obrazov i motivov / N. P. Krohina. – SHuya: Izd-vo SHujского filiala IvGU, 2013. – 250 s.

Kubatiev, A. K. Dzhosja / A. K. Kubatiev. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2011. – 479 s.

Mochul'skij, K. V. Vladimir Solov'yov: ZHizn' i uchenie / K. V. Mochul'skij // Mochul'skij K. V. Gogol'. Solov'yov. Dostoevskij. – Moskv: Respublika, 1995. – S. 61–216.

Okeanskij, V. P. Hudozhestvennyj mir K. D. Bal'monta: Poeticheskaya metafizika noktyurna / V. P. Okeanskij, ZH.L. Okeanskaya. – SHuya: Izd-vo IvGU, 2013. – 124 s.

Petrova, T. S. «Iz mraka k svetu...»: Motiv puti v lirike K. D. Bal'monta / T. S. Petrova. – SHuya: SHujский filial IvGU, 2015. – 226 s.

Solov'yov, V. S. Voskresnye pis'ma. X. Nebo ili zemlya? / V. S. Solov'ev // Solov'yov V. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 10. – Sankt-Peterburg: Prosveshchenie, 1913. – S. 32–33.